

Альберт Макарьевич Молчанов,

выпускник механико-

математического факультета МГУ

(по специальности «математика»)

1948 г.; с 1951 г. работал

в Институте физических проблем,

а затем в ИПМ АН СССР (до 1972 г.);

с 1966 по 1972 г. заведовал

(на общественных началах)

математической лабораторией в ИБФ

в Пущино; в 1972 г. полностью

перешел на работу в Пущино,

в организованный им НИВЦ АН СССР;

директор НИВЦ-ИМПБ с 1972

по 1998 г. В настоящее время —

главный научный сотрудник ИМПБ

РАН и декан Учебного центра

математической биологии

Пущинского государственного

университета; д. ф.-м. н., профессор

Немного фактографии и немного лирики

сли я правильно помню, в 1964 году Симон Эльевич Шноль познакомил меня с будущими коллегами. Это были: Эдуард Алексеевич Лямин, Виталий Иванович Крюков и Яков Соломонович Сметанич.

По инициативе Эдуарда Алексеевича я им прочел курс того, что мы называли тогда «хинчинологией». Это было изложение курса А. Я. Хинчина, прочитанного в 1951 году. Сейчас это официальный курс МакроАнализа, который в значительной степени (особенно в педагогическом плане) сложился именно тогда, под книжальным огнем вопросов и соображений Лямина.

Эдуард Алексеевич активно работал в семинарах Ольги Сергеевны Виноградовой по нейрофизиологии и к 70 году был близок к физиологической модели гиппокампа. Казалось, еще год-два уйдет на модель — вероятностную, по соображению Лямина. Потом то ли он меня уговорил, то ли я его, построить и детерминистскую модель на базе этой, еще не построенной, вероятностной.

В 70—72 годах очень много сил ушло на создание НИВЦа. Было трудное время. Эдуард Алексеевич горы переворотил в те времена. В 1972 году НИВЦ был создан офи-

циально, а в 1973 году Эдуард Алексеевич организовал в НИВЦ лабораторию статистических методов.

Вот она, победа, все препоны позади, теперь работать и работать.

Но мой друг не вернулся из боя.

Эдуард Алексеевич умер 25 декабря 1973 года. Мой первый порыв — спасать модель гиппокампа. Но я не понимаю участников семинара нейробиологии, а они — меня.

Выяснилась горькая правда. Общий язык был у нас только с Эдуардом Алексеевичем, а на взаимопонимание у нас ушло уже лет пять. В этих задачах время для меня остановилось.

Иногда по ночам мне мерещилось вдруг, что и я не вернулся из боя.

Теперь капельку личного опыта. Я для себя различал, особенно в студенческие годы: Талант — Трудолюбие — Характер, и сначала считал, что главное — это талант. Потом я начал в этом сильно сомневаться, потому что выяснилось, что многие внешне яркие люди скисают, не выдерживают «тягунов». Это типичные спринтеры. А наука требует терпения. Это была догадка, сильно подкрепленная личным опытом. Уверенно-

сти не было, но потом, много лет спустя, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский обронил такую фразу: «С характерной для математиков умственной бойкостью»*. Она характерна, конечно, не только для математиков, но у математиков она принимает, может быть, самые острые и болезненные формы. Значит, не один я так думаю. Потом я решил, что самое главное — трудолюбие. Будет трудолюбие — талант прорежется. А потом прошло еще много лет, и сейчас я уверен, что главное — характер.

Так вот Эдуард Алексеевич — это характер, и характер незаурядный. Он человек яркий во многих отношениях. Но вот что замечательно: он всегда и везде был самим собой. И не надрывно самим собой. У него было «легкое дыхание». Я помню стихотворение, которое я ни до того, ни после того не слышал и не читал. У меня даже закралось подозрение, уж не сам ли Эдуард Алексеевич его и написал. Хотя кто его знает.

Вот серый крот
Вот серый крот
Вот серый — серый — серый крот
Он не красавец, не урод
Он просто серый-серый крот**.

* Похоже, что Н. В. эти слова понимал как негативную характеристику. — Примеч. Э. Э. Шноля.

** Это шотландская народная детская песенка в переводе И. Токмаковой. — Примеч. ред.

Я во время войны был в Ташкенте, в эвакуации, и вот там я впервые увидел и почувствовал, что такое махала. Это двор — длинный, большой, по сторонам мазанки, чаще всего с верандой, и вся жизнь происходит снаружи, обед готовят, разговаривают, ребятишки носятся, тут же орех растет, орехи сшибают. Это все вместе — махала. Так вот, в первые годы (сейчас это уже потеряно во многом) у нас была махала. Вот атмосфера, которая была в первые десять лет в НИВЦе.

И заслуга Эдуарда Алексеевича в этом огромная. А может быть, он это подглядел в своем Крыму? Я знаю только, что это было очень важно для научного тонуса.

Он меня поразил однажды тем, что поздней осенью в 1967 году пошел купаться. И меня уговаривал, но я сказал, что не буду, ночь, холода, темная вода. Он поплавал, пофыркал, вылез, и мы пошли дальше.

Один раз он меня совершенно потряс. Мы с ним рассуждали, как будем все организовывать, а он говорит: «Ну вот, организуем институт, и на пасеку». Я до сих пор не знаю, сколько там было шутки, а сколько всерьез. Потому что даже слово «пасека» было рассечено на противоположные моменты. Не знаю, как и почему.

И вот еще одно. Есть такие свойства — любопытство и любознательность. Любопытство присуще многим, любознательность уже более редкое свойство. Но Эдуарду Алексеевичу была присуща такая форма любознательности, которая впритык к мировоззрению, является для него питательной почвой. Это, я думаю, знают многие.

Я это ощущал очень сильно и серьезно. Существенно его влияние на мои представления о поведении, прежде всего в научном коллективе, на административной работе. То, что Эдуард Алексеевич был парторгом, — это внутреннее свойство характера.

Он был очень цельный человек, причем целостность мировоззренческая у него была не только на научном, не только на психологическом, но еще и на образном уровне. Он умел за деревьями видеть лес, а за лесом — лешего. А это поэтический образ целостного леса. В Пущино, где «молекулярность» очень влияла на всех, это была для меня серьезная отдушина.

О тех, которые наш свет
сопутствием животворили,
не говори с тоской: *Их нет,*
а с благодарностью: *Были.*